

АВТОБИОГРАФИЯ БЕЗ ПУГОВИЦ И ОДЕЖДЫ

ЕЕ НАПИСАЛА НЕОТРАЗИМАЯ ЖА-ЖА ГАБОР

ПОМИМО прочего, 1992 год войдет в историю еще и как «год великого перелома», когда на американском литературном рынке автобиографические книги окончательно одержали верх над романом. Об этом неопровержимо свидетельствуют цифровые данные прошлой годней книжной торговли. Весомый вклад в эту победу внесла несравненная и неуязвимая Жа-Жа Габор, которая известна во всем мире, пожалуй, не меньше, чем Мерилин Монро, хотя не столько своими экранными ролями, сколько иными качествами. В Голливуде нет фигуры более рекламируемой, чем Жа-Жа. В какой-то мере соперничать с ней может лишь ее родная то ли старшая, то ли младшая сестра Ева, тоже киноактриса.

Неясность насчет старшинства возникает по той причине, что в справочниках вы не найдете года рождения Жа-Жи, тогда как Ева признает, что родилась в 1921 или в 1928 году. Но некоторые предположения можно сделать, если внимательно следить за текстом автобиографии Жа-Жи «Одной жизни мало». Там четко сказано, что самым первым ее любовником, лишившим ее невинности (эту деталь она специально подчеркивает), был основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк. А ей самой в те времена (Ататюрк умер в 1938 году) едва исполнилось 15 лет. Вот одно из ее изречений: «Так я, Жа-Жа Габор, венгерка из Будапешта, кокетливая девочка, обожавшая внимание к себе, собачка и лошадей, держала в своей маленькой ручке судьбу некоторых наиболее могущественных людей в Турции».

Обстоятельства, при которых мама и две дочери Габор оказались в Америке, покрыты дымкой таинственности. Но факт состоит в том, что они прочно обосновались в Калифорнии и оттуда повели мощное наступление на мужское население страны — не на все в целом, понятно, а на ту его часть, состоящие которой исчислялось миллионами. Собственно, об этом главным образом и идет речь в автобиографии Жа-Жи, настояще имя которой Сэри, о чем, наверное, не помнит даже ее сестра. К чести Жа-Жи нужно отметить, что она и не претендует на то, чтобы предстать перед читателем в качестве великой актрисы. Снялась она за свою жизнь во множестве фильмов, однако ни один из них не сделал ей имени. Она сама себе его сделала.

Ключ к пониманию ее жизненного пути дает, к примеру, такое название одной из глав ее книги: «Антракт: мужчины в моей жизни после Джорджа и до Герберта». А также иллюстрация, на которой запечатлена ее гардеробная комната, где одежды примерно столько, сколько в дорогом магазине на Пятой авеню Нью-Йорка.

Прямо скажем, она сумела собрать такую коллекцию драгоценностей, что Элизабет Тейлор потом многие годы безуспешно пыталась догнать соперницу по успеху у мужчин. Но куда ей было тягаться с Жа-Жой! Подумаешь — дважды вышла замуж за герцога английского актера Ричарда Бартон, которого Жа-Жа, оказывается, походя имела любовником. Вообще она лишь однажды сделала промахку, выйдя замуж за герцога голливудского экрана 40-х годов Джорджа Сандерса. А в принципе она выбирала мужей посолоннее, из числа деловых людей, способных удовлетворять ее претензии по максимуму. Скажем, решая, кому отдать предпочтение — нефтянику Ханту или повелителю гостиничной империи Конраду Хилтону, Жа-Жа остановилась на последнем: у него тогда на несколько сотен миллионов долларов было больше.

Кстати, в смысле количества мужей Элизабет Тейлор пользуется одиозной известностью лишь потому, что ее лучше знают по экрану. А Жа-Жа Габор сочеталась законным браком то ли девять, то ли одиннадцать раз — тут она сама несколько запуталась, а уж о сторонних наблюдателях и говорить не приходится. Между прочим, среди ее «половин» был и человек, который избрал ту самую куклу «Барби», которая стала мечтой для миллионов девочек всех стран.

Все это не значит, что Жа-Жа пренебрегала коллегами, то есть «кинозвездами» мужского пола. Отнюдь нет. Они-то как раз главным образом и заполняли «антракты» между Джорджем и Гербертом и другими. Приведу лишь наиболее известные имена: Фрэнк Синатра, Шон Коннери, Эррол Флинн, Марлон Брандо, Ричард Харрис и, как уже сказано, Ричард Бартон. По ее впечатлениям, из киношных грубее всего вели себя привыкшие командовать режиссеры. Александр Корда, один из голливудских столпов, вообще не тратил слов попусту, ограничиваясь одним: «Раздевайтесь».

Жа-Жа, нимало не смущаясь, с удовольствием вспоминает, как однажды ее застал Джордж Сандерс, предумышленно захвативший с собой двух детективов. Ничего особенного она не видит и в том, что, став женой Хилтона, тут же соблазнила его сына Ники, который в тот период числился мужем Элизабет Тейлор. Не с тех ли пор в ее крови поселился микроб соперничества? Однако не стоит делать поспешный вывод о неразборчивости темпераментной мадьярки. Кроме имущественного ценза, она твердо выдерживала и еще один: «Никогда я не отдавалась мужчине, который впервые проявил любовные похлывания, будучи в нетрезвом состоянии».

Сфера интересов Жа-Жи охватывала не только искусство и

бизнес, но и политику. Вот только один, но весьма впечатляющий эпизод. Насчет самого президента Никсона Жа-Жа оставляет у читателя какое-то не вполне определенное впечатление, но совершенно определенно то, что он познакомил ее со своим государственным секретарем Генри Киссинджером. Разумеется, Генри тут же пал жертвой ее роковых чар, хотя, по некоторым подсчетам, ей в ту пору уже пошел седьмой десяток. Состоялось свидание в домашней обстановке после ресторана, все складывалось наилучшим образом, но в самый ответственный момент раздался зуммер «бипера». Это такое небольшое электронное устройство, которое подобные деятели всегда носят при себе, чтобы их можно было найти в любом месте. То ли Никсон знал, где находится его госсекретарь, и решил подшутить, то ли это было совпадение, но вызвал Киссинджера к себе именно президент. А от второго свидания он просто вторгнулся, сославшись на то, что с минуты на минуту начнется вторжение в Камбоджу, то есть выдал неотразимой Жа-Же государственную тайну. Хорошо еще, что у нее не было поклонников в КГБ. Впрочем, кто знает...

Так неужели никто так и не смог устоять против чар этой «звезды»? Увы, и на старуху бывает проруха (я не имею в виду годы той, которая пошла все представления о женском возрасте). Единственный мужчина, который не пытался ею овладеть, это вор-домушник, забравший ночью в ее виллу. Под направленным на нее пистолетом произошел следующий диалог шепотом. «Я — грабитель, быстро вылезай из-под одеяла и — в стеной шкафа». — «Но я совершенно голая, позвольте мне одеться». — «Обойдись, ничего страшного. Я не секс-маяньяк». И сдержал слово — не покусился. В описании этого уникального происшествия у Жа-Жи звучит явственная нотка обиды. Но уж если даже Чарли Чаплин вынужден был признать, что она «слишком ярка» для него, то такое пренебрежение со стороны рядового бандита, конечно, просто оскорбительно...

Мудрец Марк Твен когда-то написал: «Автобиографии — это не более чем одежда и пуговицы человека, потому что они отражают лишь слова и поступки, но не постоянный поток его мыслей». По-своему он, может быть, и прав. Но в данном конкретном случае, согласитесь, речь чаще идет об отсутствии одежды и пуговиц и о соответствующих этому состоянию ситуациях. В свое пуританское время классик не смог предвидеть появления подобного рода мемуаров.

Виссарион СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда».

ВАШИНГТОН.